

Луцезар Ратибора

ОСТРОВА БЛАЖЕННЫХ

6+

Лучезар Ратибора Острова Блаженных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67153899

SelfPub; 2022

Аннотация

Меня выбросило в сон буквально на десять секунд. И случилось видение. Мда... В который раз констатирую разницу в скорости течения времени на физическом уровне и на тонких планах. Конечно, непосредственно во время изложения увиденных за десять секунд вне тела событий тренируемый на писательство мозг насыщает подробностями и дополнениями, которые не уложились в короткую вспышку сновидения. А теперь добро пожаловать в волшебную историю-эпизод из жизни мифического народа рахманов...

Лучезар Ратибора Острова Блаженных

Старушка медленно брела по узкой тропинке, пролегавшей в ущелье между гор. Вроде бы оставалось идти пару часов пешком до края ущелья, а там должна быть обещанная деревня. Она увидит деревню, если повезёт, если соблаговолят боги помочь ей. Хотя они направили её сюда, уже им благодарность за это.

Старушка переложила не тяжелую, в общем-то, котомку в другую руку, для неё она стала очень тяжелой за целый день пути. Она остановилась, поставила древнюю подругу – клюку – перед собой и оперлась об неё, чтобы перевести дух. Дышала она тяжело, надсадно. И не лёгкие болели, а сердце подводило свою хозяйку, грозясь вот-вот остановиться и совсем некстати прервать жизненный путь женщины.

Да, и бабушка, и женщина. По годам женщина, ей не стукнуло ещё и пятидесяти, с виду почти бабушка. Из-под поношенного платка на голове выбивались растрепанные волосы с щедрой проседью. Сдала она сильно, сдала. Постарела почти в миг после смерти мужа и старшего сына. Задрал их медведь на охоте. Не слишком большая редкость при жизни в горном селении. Жизнь здесь суровая. Выживают только те, кто сам подобен скалам, – жесткий и непоколебимый. Ушли кормильцы. Остался младшенький сынок, ему и семи

вёсен не миновало.

Кое-как старушка справлялась по хозяйству. Оставила куриц. А коз она обменяла соседям на продукты, пасти их не было сил совсем. Сердце слушаться перестало от горя, от пролитых слёз. Поначалу женщина просто ревела белугой, потом три дня где-то сидела, где-то бродила в беспамятстве, не воспринимая света белого. Нет страшнее горя, чем хоронить собственное дитя. Погрузились во тьму сердце, душа и, самое страшное, разум матери. Потерялся рассудок в защитных лабиринтах подсознания. Сынок только и привёл в чувство. Есть просил. Тряс мамку за плечи. Материнский инстинкт приказал разуму вернуться из забытья. А так было там хорошо: никого и ничего, ни боли, ни страданий, ни памяти...

Потом вроде бы женщина отошла, засунула своё горе поглубже, надо было жить дальше, поднимать младшего, пропадёт без неё. Только вот превратилась красивая женщина в старушку с предательской ненадежной искрой в груди. И даже спустя время чувства, бывало, наплывали с прежней силой, и уже израненное сердце рвало свой бег, то ухая, то заходясь, то пропадая вовсе, отнимая возможность вздохнуть. Было страшно. Не за себя – своя смерть принесёт лишь освобождение от ежедневных страданий и мук памяти. Ответственность, обязанность и долг двигали матерью. Она должна выжить, она обязана вырастить сына до возраста, когда тот уже сможет сам себя прокормить.

В горном селении редко бывают гости или прохожие. Так просто не заходят. Старушка сколько прожила, всего два раза видела чужаков издалека: в её детстве солдат возвращался с долгой службы домой, и дорога его пролегла через эту деревушку. А второй раз она подростком увидела мужчину. Тот крался и перебегал от укрытия к укрытию по самому отшибу деревни. Может быть, это был беглый каторжник. Сейчас сложно сказать, много воды утекло... Но вот встретился старушке и третий захожий чужак.

Дом старушки с начавшимся коситься без мужской хозяйственной руки крыльцом находился не на самом краю села. Но прохожий постучал именно к ней в калитку. Женщина разволновалась от неожиданности, снова тяжело задышала, сердце застучало быстрее птичьего. С трудом она вышла к калитке, задыхаясь, отворила. Перед ней стоял крепкий высокий мужик с густой короткой бородой. Плотный, сбитый. Видно, что сильный, только вот одна штанина шаровар висела так, будто и нет там ноги вовсе, хотя заправлена была в голенище сапога.

– Здравия тебе и благоденствия, мать! – приветствовал мужик старушку. – Извини, что побеспокоил. Не пожалеешь воды дальнему путнику? Долго иду, своя вода закончилась, а родников тут и не знаю в местах незнакомых.

– И тебе... Здравствовать... Путник, – держась за грудь, ответила старушка. Вроде огонь в груди начал затихать, а сердце замедляться. – Не обращай внимания, это сердце ша-

лит. А попить – заходи, во дворе колодец. Только уж, будь мил, сам ведро подними. У меня силы уже не те, сама не всегда справляюсь.

– Благодарствую премного, мать! – бодро сказал мужик и прошёл к колодцу. Одну ногу он ставил нормально, а вторую тащил, оставляя неглубокую колею в земляной пыли.

Путник бодро поскрипел воротком и достал полное ведро колодезной воды, хлебнул щедро, остальное вылил в стоящую рядом специально для этих целей неполную бочку. Воду из бочки старушка расходовала для хозяйственных нужд: овощи полить, посуду помыть или пол.

– Извини, что спрашиваю, но гости у нас редки. Можно сказать, что не бывает. Что с ногой приключилось? Цела ль, иль костыль вместо неё таскаешь?

– Дом строили, балка сорвалась, прямо на бедро. Не сломалась нога. Но сохнуть начала. Скоро совсем высохнет, вот тогда и придется костыль вставлять, – невесело ответил мужик. – Но есть надежда излечить пропащую ногу, потому и иду туда, – мужик махнул в сторону дальних вершин, – к рахманам. Слухи дошли, что это древнее племя, умеющее исцелять смертельные и непроходящие болезни.

Сильно удивилась услышанному старушка. И сердце ретивое вновь взметнулось вверх и упало камнем вниз, заставив хозяйку побледнеть и схватиться за грудь.

– Опять сердце, мать? – встревожился путник.

– Сейчас... Сейчас пройдёт... – шёпотом ответила жен-

щина.

Мужик поднял голову и загадочно, с благоговением взглянул в небесную синь.

– Мать, добрая ты душа. Может быть, не просто так мир привёл меня к тебе за водицей? Я покалечен, да и ты, смотрю, совсем не здорова. А давай и ты к рахманам попробуй пробиться?

– Сколько здесь живу, ни разу не слышала о народе рахманов. Далеко до них?

– Таак... – прищурил один глаз странник. – По моим подсчётам, полтора дня пути неторопливым шагом. А что не слышала про них, то немудрено. Они племя древнее, могущественное в своей магии, не всех привечают, не всем помогают. Более того: человек рядом пройдёт, а их не заметит, если они того не позволяют. Они, как бы, не совсем в нашем мире, а в соседнем, на Островах Блаженных. Так что, и я иду наудачу. Незнамо, пустят ли, полечат ли. Но мне, кроме ноги, и терять нечего. Потому и пустился в дальнюю дорогу.

– Мил человек... А мне ведь и вправду крепкое сердце ой как нужно! Надо подумать, собраться и идти. Младшенького у соседки, что ли, оставить... – засуетилась старушка. Потом остановила взгляд на мужике. – Куда идти, покажи?

Странник показал на чёрную вершину, высившуюся над снежными товарками.

– Вот до неё. Там начинается ущелье. Пройти его, сразу за ним будет деревня рахманов.

– Помоги тебе боги на твоём пути, мил человек! Соберусь, пойду. Страшновато идти с таким здоровьем, но надо рискнуть.

– Тебя благодарю за водицу, мать, – захожий поклонился. – Пусть и тебе боги подсобят в излечении. Надеюсь, не зря меня именно сюда направили. Прощай!

Вот старушка оторвалась от клюки, прогоняя воспомина-ния недавних дней. И медленно пошагала дальше к краю ущелья. Она собралась, она нашла в себе силы отправиться в дальнюю дорогу. Опасно, рискованно: то зверь ночной мог помешать, то само ретивое могло подвести в последний момент. И быть младшему сиротой. В переживаниях за его судьбу и пошла она искать мистический народ. Сына оставила у соседки, отблагодарила продуктами щедро. Ночевала на дереве прошлую ночь. Ох, и страшно было. Звуки ночи пугали нещадно. Как не умерла со страху, непонятно. Только под утро немного глаз сомкнула. Сейчас сонливость замедляла и без того нескорый шаг старушки.

Наконец, медленно, но верно она вышла из ущелья. Впереди раскрывалось просторное поле с дикой травой. Ещё дальше речка, справа редкий лес. А совсем далеко в туманной синеве терялись очертания высоких вершин. И всё. Ни людей, ни деревни. Ни звука, ни запаха бани, или костра, или скотины, что так характерно для сельской жизни.

Старушка медленно обернулась назад, потом обернулась

вокруг себя. Ничего не изменилось. Впору было впасть в отчаяние. Длинный непростой для неё путь был проделан. Надежда на исцеление вела её. А тут никого и нет.

Старушка тяжело бухнулась на торчащий из земли валун и горько заплакала. Не чувствовала она в себе сил на обратный путь. В котомке болтался кусочек хлеба, да пустая крынка. Бог с ней, с едой. Два дня можно пройти и на воде. Моральные силы и дух покинули женщину. Она беззвучно, истинно по-старушечьи, плакала, утирая слёзы краем платка.

А потом она начала молиться о помощи всем богам и духам, которых знала. А что ещё ей оставалось делать?.. Слезами ведь делу не поможешь, хотя те всё равно непрошено застилали глаза. Старушка встала, чтобы её лучше услышали высшие силы, если соизволят услышать. Она поклонилась камню и воззвала к духам гор. Лбом она коснулась земли в глубоком поклоне, зывая к Матери-Земле. Три раза она свистнула, привлекая внимание силы Воздуха к своим словам. Она пала на колени, протягивая руки вверх с молитвой к Небу-Отцу.

Неистовая молитва шла во все стороны от матери, от женщины, от старушки. Зов разливался в пространстве ко всем, кто имеет могущество помочь. А в ответ тишина... Не подул ветерок, облака не набежали знаком, птицы не прокричали, неся послание от духов, не зашелестела трава. Пустота, усталость и безысходность поглотили материнское сердце, которое взвилось до предела во время молитвы, а сейчас еле тре-

пыхалось, через раз пропуская положенные удары.

Старушка снова почти свалилась на большой камень. У неё уже не было сил плакать, слёзы просто заполнили глаза, размывая окрестности в смутные очертания. А тут ещё и сумерки приближались. Ведь старушка почти два дня шла сюда своим вынужденным неспешным шагом. Вышла из дома с рассветом первого дня. И вот, получается, что вышла на нужное место к закату второго дня. И, похоже, что зря...

– Сора («сестра»), чего плачешь? – окликнул старушку звонкий мальчишечий голос.

Женщина с удивлением вытерла слёзы и посмотрела на говорившего. Перед ней в нескольких шагах стоял мальчик в чистой серой рубахе и штанах, подпоясанных коричневым широким кушаком. Его прямые белокурые волосы отросли, чёлка так и норовила влезть в голубые глаза. А глаза эти будто сияли: в них светилась недетская мудрость, а ещё любопытство и участие.

Старушка ещё раз протерла глаза, пытаясь понять, видит она настоящее или наваждение. Ведь только что она сидела в наступающих сумерках в одиночестве, в округе никого не было. А сейчас ярко светит солнце, мальчик перед ней, а за ним пасется десяток козулек.

Тут же, как только старушка рассмотрела животных, ей в нос ударил запах близкой деревни, запах корма, дыма, она почувствовала благоухание трав, услышала крики животных, трескотню кузнечиков и щебет птиц. Чуть поодаль

виднелись дома светлого цвета, из труб струился дым. Вся эта какофония звуков живого мира и доносилась оттуда.

Старушка сглотнула поступившую слюну, слегка оправилась от удивления. Посмотрела на мальчишку и, наконец, смогла произнести:

– Сынок, почему ты меня назвал сестрой? Ведь я тебе в матери или даже бабушки гожусь.

Мальчик звонко и заливисто рассмеялся. Смех его журчал, как чистый ручеек.

– Хи-хи-хи! На самом деле я даже постарше тебя буду. Просто здесь время течёт иначе.

– Где это здесь?.. – обомлела старушка. – Неужели я уже умерла?

– погоди, не торопись так. Сюда действительно приходят после жизни на земле, но немногие, а лишь достойные. Ты жива, но за тебя поручились боги своей милостью. Поэтому, сестра, ты и смогла попасть в деревню рахманов на Острова Блаженных.

– Получилось... – вполголоса произнесла старушка. – Пастушок, не от добра я шла сюда, рискуя жизнью. Дитя у меня малое, неразумное ещё. Шести годин. Почти как ты с виду. Если я умру, то сиротой останется, пропадёт... Старший сын и Драгош, муж мой родной и ненаглядный, сгнули на охоте. С тех пор ретивое не слушается, так и грозит остановиться навсегда. Сможешь мне помочь, пастушок? Правда, мне и отплатить нечем... Но всё, что смогу, постара-

юсь для тебя сделать, – молящим голосом просила старушка.

– Раз ты здесь, сестра. Раз тебя направили дети Богумира (боги), то это не просто так, и я помогу тебе. Только задам пару вопросов. Именно сердце болит? Не в груди, не сбоку, не в спине?

– Честно тебе говорю: сердце заходится. Этого я уж не спутаю, – с грустью ответила старушка. – Ты сам не видишь?

Паренёк сконфуженно почесал нос.

– Молодой я ещё, не все силы открылись. Через раз вижу. Лечить получается лучше. Поэтому лучше уточнить. И второй вопрос: как тебя зовут, сора? Нужно имя твоё для призыва сил для тебя.

Старушка даже улыбнулась:

– Давно меня по имени никто не называл. Родители Иляной назвали. Иляна.

– Бине ("ладно"), сора Иляна, – пастушок сложил руки в замок и подул на них. – Приступим.

Он сел на корточки и начал что-то искать в густой высокой траве. Передвинулся на пару метров вправо, продолжил поиски. Иляна терпеливо ждала, греясь под особенно ласковыми и нежными лучами солнца Острова Блаженных.

– Нашёл! – радостно завопил мальчуган. – Ишь ты, спрятаться от меня решил!

Пастушок приподнял над головой синий цветок.

– Вот, это василёк. В твоём мире его используют для лечения аритмии. Для нас он важен, как символ сердечного ле-

карства. Потому что сам по себе он тебе не сможет помочь, не хватит его свойств. Но если наполнить его целительской силой, то всё получится.

Паренёк сложил две ладошки кверху, на них положил цветок. И начал петь:

– Эн-те-де-рей! Эн-те-де-рейааа! Иляна!

Он повторял и повторял эти слова заклинания, его лучистый голос разлетался по округе, эхо с дальних вершин отвечало ему хором. Звук проникал, звук летел, звук пронзал пространство и стихии вокруг. Все звери и рахманы в ближайшей и дальней округе слышали звенящий голос пастушка. Даже те, кто находился за горизонтом, не слышали заклинания, но чувствовали его и знали безмолвным знанием. Это было заклинание-зов. Юный лекарь призывал целительскую силу стихий, он приказывал и просил одновременно, он намеревал и выстраивал новый образ Иляны, молодой и здоровой – такой, какой она должна быть без оставившего шрам на сердце удара судьбы.

Духи и боги отозвались на Зов. Со всех сторон света к васильку в руках пастушка потянулись разноцветные сияющие нити. Если приглядеться, то можно было увидеть, что основой окраса нитей были семь известных цветов радуги. Но оттенков было больше. Даже таких, каких глаз человека представить не может. Потому что цветов было двадцать один.

Паренек самозабвенно пел, он вливал заклинание голосом в струны Мироздания, меняя судьбу, перевязывая уз-

лы паутины жизнью. Нити накручивались на цветок, оплетая его разноцветным коконом. Иляна никогда в жизни не видела такой завораживающей красоты. Она очарованно, широко раскрыв глаза, пристально смотрела на увеличивающийся и уплотняющийся кокон, стараясь впитать и запомнить каждый невиданный цвет.

Вот мальчуган замолчал. Нити прекратили свой бесконечный полёт со всего мира. Кокон вокруг василька сильно уплотнился и стал сияюще-белым.

– Вот, Иляна, держи. Он наполнен исцеляющей силой мира и Островов Блаженных. Тебе надо его съесть.

Иляна бережно и благоговейно взяла сияющий цветок двумя руками, тут же по всему её телу побежали жар и мурашки. Аккуратно засунула она василёк в рот и начала жевать. Проглотила. На вкус было горьковато. Иляна почувствовала, как жар от василька опустился ей прямо в сердце, а оттуда побежал по всем жилам, по всем сосудам, по коже, по внутренностям, исцеляя, выправляя и выравнивая нарушенное и искаженное.

Сияние из сердца стало ярче и начало расти, быстро окутав Иляну в белый кокон. Наконец, магический блеск постепенно скрылся в груди, явив миру обычный облик женщины. Обычный, да непривычный. Похудевшее от болезни и чёрной тоски тело женщины налилось соками. Помолодела она лет на десять, а то и больше. Теперь на вид Иляне нельзя было дать и сорока годин. Густота вернулась к её волосам, бы-

лая чернь накрыла голову, изгнав старческую седину, морщины разгладились. Стояла Иляна, налитая и красивая, как была до смерти любимых.

Юный лекарь удовлетворённо смотрел на исцелённую.

– Ну, как, сора? Как себя сейчас чувствуешь?

– Не поверишь, пастушок! Будто лет двадцать скинула. Силы свежие чувствую в жилах, и тоска пропала из груди. И сердце больше не скачет, как умирающая лошадь. Работает, как часы!

– Верю, сестра, верю, – с доброй улыбкой ответил мальчик из рахманов. – Сегодня тебя осенила сила Островов Блаженных. И она поселилась в тебе навсегда. Ты проживёшь свой положенный срок. И сына вырастишь. Всё будет, как должно быть под небом. А потом, после жизни на земле, думаю, ты вернёшься сюда, в деревню рахманов.

– Правда? Неужели я тоже достойна попасть в твой мир после смерти? Чем же заслужила такую награду?

Пастушок засмеялся.

– Потом спросишь у богов. Тут до них пешком недалече идти. А сейчас, сора Иляна, тебе пора возвращаться в твой мир, – маленький целитель положил руки на плечи женщине. – Я не говорю тебе прощай. Я говорю тебе до встречи, сестра!

Из голубых глаз паренька начал литься свет. Он становился всё ярче и ярче, слепя Иляну. Женщина закрыла глаза. И открыла, когда перед веками погасло сияние. Она стояла

у входа в ущелье. Сзади было пустое поле с дикой травой, сзади-слева оставался редкий лес. На востоке из-за горизонта пробивались первые лучи солнца. Рассвет. Похоже, уже наступил новый день. Котомка в руках Иляны была заметно тяжелее, чем раньше. Она раскрыла её. Там оказался целый каравай хлеб и полная кринка молока. На два дня пути точно хватит с лихвой. Хотя теперь мать вернётся к сыну гораздо быстрее: она чувствовала себя молодой и преисполненной сил.